интересовали Толстого как примеры языковой новизны, смелости, самобытности, как яркая, не избитая словесная форма. Нет нужды говорить, как эта языковая свежесть и самобытность важна была писателю, как должен был ухватиться за нее Толстой, особенно в конце 70-х годов, когда его волновали мысли о подлинно народном искусстве, когда он уже задумал писать свои народные рассказы.

Вопрос о том, использовал ли Толстой сделанные им из сочинений Аввакума выписки, употреблял ли он полюбившиеся ему словечки и выражения в своих произведениях, не имеет принципиального значения. Записная книжка писателя — это не только памятная книжка. Писатель может никогда и не воспользоваться непосредственно тем, что он записал. Но это не значит, что записанное пропало: как закрепление работы мысли, воображения художника, как закрепление впечатления (в данном случае — речевого впечатления) запись уже сама по себе сыграла роль в творческом становлении писателя.

Выписки отдельных речевых оборотов, выражений и слов из сочинений Аввакума — несомненное свидетельство той высокой оценки, которую давал в эту пору Толстой Аввакуму как писателю, как стилисту.

Высокое мнение об Аввакуме как стилисте сохранилось у Толстого и в дальнейшем, как сохранился и интерес к самой личности протопопа. В сентябре 1885 г., предполагая издавать «Народный журнал», Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте — не то, чтобы он был однообразен, а напротив — чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Авакума, но только не наш газетный».[17] Спустя 10 лет Толстой снова в беседе с В. Ф. Лазурским упоминает об Аввакуме как о превосходном стилисте. Говоря о недостатках в преподавании словесности, Толстой предлагает свою программу. Лазурский приводит слова Толстого: «. . .из книжной словесности остановился бы, например, на таком превосходном стилисте, как протопоп Аввакум (Лев Николаевич очень удивился, когда я сказал ему, что у нас Аввакума совсем не включают в учебники)».[18]

Свидетельства живейшего интереса Толстого к Аввакуму мы имеем и от более позднего времени. В дневнике С. А. Толстой под датой 3 февраля 1904 г. записано: «Толстой читал вслух семейным Житие протопопа Аввакума».[19] А двумя годами позднее, как сообщает Д. П. Маковицкий, Толстой снова обращается к Аввакуму: «После обеда Лев Николаевич читал нам из Истории Соловьева про протопопа Аввакума. Во время чтения прослезился. С большим уважением и любовью говорил о нем. Хвалил выдержки из Жития Аввакума, приводимые Соловьевым: „Коротко и образно“».[20]

Так, раз зародившийся, до конца жизни сохранился интерес Толстого к Аввакуму — своеобразнейшему человеку и замечательному писателю.

Этот интерес для нас имеет не только частное значение. Он является еще одним лишним свидетельством того, что в XIX в., в одну из самых славных эпох в истории русской литературы, в эпоху ее расцвета и всемирной славы, не забыт был автор «Жития», высоко ценился и оказывал воздействие на писателей как несравненный мастер живого русского слова.

[17] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., под ред. В. Г. Черткова, т. 63. М.—Л., 1934, стр. 286.

[18] В. Ф. Лазурский. Дневник. Запись под 29 декабря 1895 г. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 2, стр. 53.

[19] См: Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., под ред. В. Г. Черткова, т. 55. М., 1937, стр. 400.

[20] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 544.